

„ДЕТИ СОЛНЦА“

Красивой драматургией драматургу А. М. Горького своим творческим знаком. Понятно поэтому, что его горьковские спектакли должны встретить особо внимательную и требовательную критику. Ведь именно в этих спектаклях театр, в первую очередь, раскрывает свое отношение к наследству великого писателя и как бы уточняет движущие цели, принципы всей своей творческой деятельности.

После «Мещан», «Врагов», «Последних» мы смотрим сейчас новую постановку — пьесу «Дети Солнца», написанную Алексеем Максимовичем в 1905 году и появившуюся впервые на сцене в горячие октябрьские дни этого же года. Театр нельзя поздравить с большой удачей. Режиссер В. П. Лермина выпустил рыхлый по композиции, сероватый по бытовостной расцветке спектакль. Пьеса, в которой звучат предтезовские отблески первого революционного пожара, пьеса, в которой разоблачены интеллигентское псевдосовиство, самообман и себялюбие мнимых «детей солнца» предстает перед зрителем, как сплетение бытовых, жандармовских спесей, в центре которых — чудачеватый и смешной ученый, химик-любитель Протасов.

В пьесе нет представителей решающей силы революции — пролетариата. Степашка-кустарь Егор, замызганный, задвинутый тяжелой жизнью человек, далек от сознательного революционного протеста. Дворник Роман, горничная Луша — типичный продукт «индустриализма деревенской жизни». В этих трех фигурах как бы олицетворяется трагедия народа, обечанного при буржуазно-помещичьем строе на личную, на тяжкие страдания. Тем отчет-

ливее выглядит на этом фоне интеллигентская оторванность от действительной жизни, интеллигентский паразитизм. «Для души», в мечтах о благе человечества занимается большими химическими опытами Протасов, проедаая остатки полученных по наследству денег; терпеливо жлет его материального (и неадекватного) конца купчик-домохозяин (Назар) Андреевич: уж он-то знает, как «приспособить» Протасова. — будет выдать ему мыло незадачливый химик, пока так безразлично относился к прозаической технической химии. Горьделиво пагает по жизни молодого преуспевающего художника Вагина; для него «свобода — одиночество», и в этом одиночестве пыльным цветом цветет идея «чистого», «независимого» искусства, чуждого житейским будням и нуждам. Ничего — и он будет писать портреты с Назаром Андреевичем, — не с него, так с его сына, у этого и аппетиты больше, и подлость его умножена «высшим образованием». Ветеринар Чепурный мог бы, пожалуй, стать активной силой: но к сорока годам он угас и с циническим спокойствием, с бесстрашием скептика созерцает мерзость и неустроенность жизни, надеясь в любви к Лизе Протасовой, в браке найти опору, чтобы дожить свою заурядную жизнь.

А как пуста и бесцветна в этом мире джи, насилия и самообмана женская жизнь? Елена и Лиза Протасовы — разные по возрасту, по характеру — одинаково бездейственно ищут свое место под солнцем, отгадывая неясным мечтам, туманным далам красивой фразы. Меланхо Чепурный в интеллигентский мир привнес деньги: свой купеческий мир она ненавидит. — он ловольно поиздевался над ней, а здесь она — чужая, хотя и очень хочет по-купечески купить если не знания, то носителя, источник знания.

Не только смешны, а и жалки люди дома Протасовых. Смешны своим самообманом, жалки своей никчемностью. А, ведь, в их мечтах именно они «дети солнца», ведь даже в своих лицах ищут они «чуждые черточки» тех ярых, сильных лю-

дей, которые ведут корабль жизни сквозь мраки и тучи к ясным горизонтам, к теплу и ласке солнца.

И вот не чувствуешь в работе тов. Лермина связи времен, крупных планов, больших обобщений. В правильном стремлении к конкретности образов и характеров (в этом огромная сила горьковской драматургии) он как будто потерял перспективу постановки и сделал рядовой спектакль, где все так конкретизировано, что идейная значимость спектакля куда меньше пьесы.

Не спутала ли планы вдумчивого режиссера (а таким мы знаем тов. Лермина по «Врагам» и «Последним») актерская «стикция»? Нам кажется, что в ряде случаев это именно так.

Возьмем тов. Соколовского. Он очень ярко и талантливо играет Протасова, зритель много говорит об его игре и награждает его самыми теплыми аплодисментами. И, действительно, трудно освободиться от обаяния этой игры, этого мастерского исполнения, где отделана каждая черточка. Но прав ли тов. Соколовский в своей трактовке образа Протасова? Не слишком ли увлекают его игровые детали роли?

Протасов у Соколовского — только смешной и неслепый чужак. Это — не основа, а весь образ: отсюда и его сценическое выражение, отсюда и подчинение всей актерской техники, всего арсенала способностей и возможностей обыгрыванию чудового, смешного, неслепого. В каждой ситуации, в каждом положении тов. Соколовский видит своего героя только комедийным персонажем и поэтому (с комедийной легкостью берет всю роль, не всегда как будто считаясь с тем — только ли комедией является пьеса Горького для всех остальных участников спектакля. По своему тов. Соколовский прав, но вряд ли можно полностью оправдать это «свое» в пьесе большого социального звучания. В игре талантливый артист блестящий прием, толк доминирует в ущерб горьковской роли.

Просто и сильно играет Чепурного тов. Юлин, а после Тетерева в «Мещанах» Чепурной — неслепая работа: артист находит верный образ — и внешне и внутренне — и оставляет зрителя почувствовать драму неудачника. Хотелся похвалить его в пример тов. Баллашеву, который чрезвычайно фальшиво, надуманно ведет интересную роль художника Вагина. — вот уже понятно что ни словечко, то ужимка. Сочную фигуру хитрого, проницательного кулака-купца дает тов. Разумов. Радует тов. Александров, который так серьезно отнесся к роли Якова Трошкина: это не комический персонаж; артист показывает ужас «дна», «последнюю черту» человеческого подобия, — и в этом — отход от трафарета, большая победа молодого артиста. Тов. Хованский слишком звероподобит Егора; тов. Кузьмин — Миша, не поправленный режиссером, совсем выпадает из роли и из спектакля.

Высокой оценки заслуживает тов. Горюнская — Лиза. Ее игра — настоящий драматизм переживания. Цепляющий, но бледный образ имеет тов. Самарин (Елена) Тов. Рождественская, «засидевшаяся» в няньках, сумела сыграть новые черточки для стропливой Антонины. Достаточно характерна, хотя пока и не везде свободна в тоне, тов. Юванская (Меланья). Запоминается в небольшой эпизодической роли горничной Луши — тов. Степанова. Тов. Алабьева, слишком злоупотребляет внешними приемами, одной вертлявостью немного добьется в роли Фимы.

Блестящая на этот раз работа художника тов. Белюкова: пьеса дает достаточно возможностей для более яркого, более характерного оформления, чем то, которое он сделал.

Хочется думать, что «Дети Солнца» появились, так сказать, в черной редакции. Тов. Лермина безусловно может и должен улучшить свою постановку, переработав отдельные части ее (в выражаяв игру актеров).